

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10018
УДК: 397.4

В.В. Тихонов
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
ул. Грязнова, д. 22, г. Иркутск, Россия, 664003
talci@irk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0587-4594>

Архитектурные особенности инфраструктуры эвенкийских стойбищ в Предбайкалье на рубеже XIX и XX веков

Аннотация

В статье дается общая характеристика этнической группы предбайкальских эвенков, включающая этапы формирования этноса, численность, хозяйственный уклад в зависимости от сезонности. Основной объем статьи посвящается непосредственно архитектурным особенностям инфраструктуры сезонных эвенкийских стойбищ Предбайкалья, включая полное их перечисление, рассмотрение планировки, архитектурных особенностей формирующих их строений, описание нюансов их строительства и рассмотрение особенностей их использования. Автор рассматривает архитектурные особенности, сопутствующие эвенкийским стойбищам Предбайкалья, а также выраженные в материальных носителях характеризующие духовную культуру этноса элементы, которые расположены вне стойбищ (идолы — хэвэки, комплекс воздушных и наземных захоронений, шаманский чум с окружающей его территорией и сопутствующей культу атрибутикой). В заключение приводится основание для написания данной статьи — это возможность использования материальной и духовной культуры Предбайкалья для сохранения исторической памяти, обеспечивающей культурную безопасность этноса в виде гарантированной государством формы его сохранения, распространенной и опробованной во всем мире — создания музейных этнографических комплексов под открытым небом.

Ключевые слова: эвенкийское стойбище, чум, ровдуга, воздушное захоронение, лабаз

V.V. Tikhonov
Taltsy Architectural and Ethnographic Museum
Gryaznova Street, 22, Irkutsk, Russia, 664003
talci@irk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0587-4594>

Architectural particular qualities of the Evenki camps infrastructure in the Pre-Baikal Region in the 19th — 20th centuries

Abstract

The article deals with the ethnic group of the Pre-Baikal Evenki. The author describes the stages of the ethnic group formation, its number and economic structure depending on seasonality. The main part of the article is about architectural features of the infrastructure of seasonal Evenki camps in the Pre-Baikal Region. Complete listing, plans, architectural features of the objects, description of the nuances of their construction and use are reported in the article. The author studies architectural features of the ethnos spiritual culture, located outside the camps. These features include: idols — heveks, a complex of air and land graves, the Evenki shaman's house with its surrounding territory and attributes accompanying the cult. In conclusion the author demonstrates possibility of using the material and spiritual culture of the Pre-Baikal region to preserve the historical memory. Cultural security of the ethnos in the form of a state-guaranteed form of its preservation is widespread and tested throughout the world. This form represents the creation of open-air museum ethnographic complexes.

Key words: Evenki camp, Evenki house, chum, rovduka, air grave, air burial, storage shed

Введение. Эвенки, в прошлом называемые тунгусами, относятся к коренной народности Иркутской области. Время начала формирования этноса, относящегося к периоду объединения некоторых представителей полиазиатских племен (курукан,

кетов, юкагар и т.д.), растянулось от IV–VI вв. н.э. до рубежа XIX–XX вв. Ареал проживания этого этноса, на настоящее время делящийся на западный и восточный с условной границей между ними по оз. Байкал, охватывает северные территории Предбайкалья [Тихонов, 1996, с. 51]. Эвенкийская этническая группа в Предбайкалье была небольшой. На 1897 г. их численность составляла 2028 человек [Тихонов, 2013б, с. 94]. А уже в наше время, на 1989 г., численность эвенкийского этноса упала до 1046 человек [Тихонов, 2002, с. 173], что в значительной степени связано с их миграцией как в города, так и в другие регионы страны.

Планировка и архитектура эвенкийских стойбищ. Основной хозяйственный уклад эвенков Предбайкалья определялся территорией их расселения в регионе. Таежные эвенки в основном занимались охотой и оленеводством. Эвенки, живущие по побережью оз. Байкал, помимо охоты и оленеводства, сдавали родовые рыбные тони на озере в аренду, получая за это соответствующую ренту с промысловых бригад, в основном русских [Тихонов, 2013а, с. 98]. Вспомогательным промыслом был сбор дикоросов. Главным товарным промыслом была заготовка шкурок пушного зверя, в основном соболя и белки. Учитывая то, что эвенки сохраняли полукочевой образ ведения хозяйства с перекочевками от одного сезонного стойбища к другому, формировалась инфраструктура сезонных стойбищ: зимнего, весеннего, осеннего и летнего. Первые три относились к постоянным, последнее — к временным [Тихонов, 1998, с. 59]. Иногда в качестве весеннего и осеннего стойбищ использовалось одно и то же стойбище. Характер и набор построек сезонных стойбищ отличался друг от друга в основном за счет сезонных деталей. Планировка стойбищ носила гнездовой характер. Центральную часть занимали чумы. Их количество определялось составом семьи. Обычно средняя численность одной семьи составляла около 5 человек, хотя встречались как большие семьи до 20 человек, так и бездетные. Территория стойбища определялась количеством оленей на семью. поголовье оленей в среднем на семью было от 5 до 10, у богатых эвенков доходило до 25–30 голов [Гуров, 1990, с. 85]. Центральная часть стойбища вокруг чумов огораживалась изгородью, которую ставили из жердей без единого гвоздя. Для поддержки горизонтальных жердей изгороди в землю вбивали крест-накрест колья с перекрестьем на разной высоте. Обычно делали не более трех перекрестий, в них вставляли горизонтально жерди изгороди. В изгороди делали загонный проход для входа оленей внутрь стойбища из жердей, заостренными концами внутрь стойбища, для того чтобы

олени не имели желания выйти из загона, так как напарывались на острые колья.

Чумы по своей архитектуре представляли конусообразное сооружение суженой стороной вверх, сконструированное из разреженных вертикальных жердей или плотно уложенных вертикально расположенных полубревен, создающих каркас, с разнообразным покрытием. На зимнем стойбище каркас был сконструирован из тонких (15–18 см) полубревен с двумя несущими полубревнами, упирающимися друг в друга, и последующей укладкой по кругу вспомогательных полубревен длиной на 40 см меньше основных, что формировало дымовое отверстие в центре чума. Полукруглая сторона бревна ориентировалась наружу. Бревна друг к другу старались подгонять плотно. Покрытием такого чума служили листы лиственничной коры, размерами в длину по 2–2,4 м, по горизонтали — 1–1,2 м в зависимости от диаметра лиственниц в окружающей местности, с которых снимали кору. Кору заготавливали весной, во время тока сока, да и инфраструктуру стойбища делали загодя, по теплу. Пласты коры укладывали вертикально внахлест, снизу вверх рядами. Верхние ряды по отношению к нижним укладывали также внахлест, оставляя на макушке чума отверстие для выхода дыма. Иногда между корой и полубревнами в пазы между бревен укладывали мох для тепла. Такой тип чума назывался *голомо*.

Аналогичные чумы, только без моховой прокладки, строили на осенних стойбищах. Внутренний интерьер чума формировали горизонтальная жердь, закрепленная в стенках чума на высоте 1–1,2 м от земли для подвешивания над костром котелков для приготовления пищи. Котелки к жерди подвешивались с помощью деревянных крюков. В центре чума было место под костер. Вокруг костра выкладывались П-образно открытой стороной к выходу три бревна для сидения. Вдоль стены чума укладывали лапник (сосновые или пихтовые ветки), формируя спальные места. На противоположной стороне от входа чума на высоте 0,8–1 м у православных эвенков закреплялась икона Николая Угодника.

Диаметр зимних и осенних чумов в нижней части колебался в пределах 3–3,5 м, высота составляла 3,5–4 м. Как на зимних и осенних, так и на летних стойбищах использовались чумы с ровдужным покрытием. *Ровдуга* — это чаще всего специально выделанная и подготовленная шкура лося. Оленьи шкуры на изготовление ровдуги применяли редко. В ходе изготовления ровдуги шкуру обезжиривали, вымачивали для последующего беспроблемного снятия с нее волосяного покрытия, эластичность ей придавали с помощью мялки, в заключение шкуру продымливали над костром для предотвращения

появления на ней личинок паразитов после размочивания от дождя. Ровдужное покрытие чума представляло собой сшитые жилами животных полосы соответствующих размеров, в последующем укладываемые и закрепляемые на разреженный жердевой каркас чума с напуском верхнего слоя над нижним. Полосы затем прижимались к жердям каркаса внешними жердями, для того чтобы ровдугу не сдувало ветром. Высота ровдужных чумов варьировалась от дымохода до земли от 2,5 до 4 м. Нижний диаметр ровдужного чума был от 3 до 5 м. На зимний ровдужный чум расходовалось от 15 до 22 шкур лося [Самохин, 1929, с. 15]. На летний ровдужный чум требовалось 8–10 шкур. Для изготовления жердевого каркаса зимнего ровдужного чума заготавливалось 25–30 жердей, на летний — почти в два раза меньше. Для того чтобы предотвратить сдувание ровдуги при сильных ветрах, ее закрепляли внешними вертикальными жердями, немного закопанными в землю. Жердей требовалось 8–10 штук в зависимости от размера чума.

Берестяные чумы использовались редко и только в летнее время [Павлов, 1996, с. 32]. Берестяное покрытие было двух типов: постоянное и перевозимое. Постоянное берестяное покрытие укладывалось на частый жердевой каркас. Размеры берестяных чумов были небольшие, чаще рассчитанные на 1–2 человек. Постоянное жердевое покрытие укладывалось пластами внахлест с закреплением по краям. Для перевозного берестяного покрытия береста предварительно вываривалась в котлах, затем сшивалась посредством закрепляющей стыковки в зацеп в полосы. Одновременно формировались зацепы с обеих сторон полосы, ориентированные в разные стороны (верхняя часть наружу, нижняя часть внутрь чума). Закрепление зацепов для исключения их разгибания производилось по самому краю зацепа жилами животных. Для заготовки жердей каркаса берестяного чума и укладки берестяного покрытия уходило не более одного часа.

В зимнее, осеннее и весеннее время еду эвенки приготавливали непосредственно в чуме. На летних стойбищах оборудовали в 5–10 м от входа в чум места для приготовления пищи — *гулувун*. Инфраструктура этого места состояла из кострища, тагана над костром и двух уложенных бревен с каждой стороны кострища для сидения. Таганы могли быть двух типов. Первый — конусообразные, состоящие из трех тонких жердин, увязанных березовыми ветками в верхней части конуса, чтобы жерди не рассыпались, и, соответственно, закрепленного крюка в верхней части конуса для подвешивания котелка или чайника [Тихонов, 1998, с. 60]. Второй тип тагана сооружался из двух рогатовидных палок, вкопанных с двух сторон в землю рогатовидной стороной вверх на высоте

0,8–1 м, и уложенной на рогатины горизонтальной жерди, на которую подвешивали за деревянный крюк котелки над костром.

В непосредственной близости от чумов на всех видах стойбищ размещались места для седел и *патакуев* (кожаных мешков для перевозки имущества и продуктов). Эвенки никогда не оставляли седла и патакуи на земле. Под них сооружался помост из 3–4 опорных бревен длиной 70–90 см, уложенных вразбежку как опора для настила, возводимого из плотно уложенных жердей.

Практически на всех стойбищах в 15–20 м от чумов сооружали *дэлкэны* — помосты для хранения вещей в период сезонных перекочевок [Тихонов, 1998, с. 61]. У деревьев на высоте 2–2,5 м срубали верхушки, закрепляли на их торцах несущие бревна, на которые укладывали помост для хранения вещей. Размещенные на помосте вещи на период перекочевки на другие стойбища накрывали шкурами. Аналогичные помосты-дэлкэны сооружали и для объединенных костей животных. Их высота не превышала 1,5 м, что исключало доставание костей оленями, так как челюстная система оленей не позволяла разгрызать кости, и они могли подавиться. Дэлкэны для костей появились с 30-х гг. XX в., в период создания колхозов, когда на стойбищах одновременно появилось много оленей, выедающих весь ягель в ближайшей округе, из-за чего появилась болезнь — «копытка», в основном от нехватки кальция. Для восполнения кальция в рационе оленей кости животных, выветренные и разрушенные под действием ветра и солнца, раздалбливали в труху и вместе с солью использовали как подкормку.

Зимние и осенние стойбища чаще всего занимали площадь по сторонам не более 150 м, а летние — не более 70–100 м. В пределах этой территории размещались лабазы для воздушного и наземного хранения продуктов. Воздушные лабазы сооружались в виде срубов с крышей, установленных на высоте 4–4,5 м над землей на одно, два, три или четыре дерева. Сруб устанавливался на несущие деревья, уложенные на спиленное дерево с обязательным выступом на 20–30 см для исключения лазания медведя. Дверца в лабаз закрывалась на специальный деревянный замок — задвижку. К дверце лабазы устанавливали лестницу в виде бревна с вырубленными в нем ступеньками. На период перекочевки лестница отодвигалась от лабазы. Наземный лабаз также изготавливался из бревен среднего диаметра таким образом, чтобы исключить разборку сруба медведем. На такой сруб укладывались бревна крышки, он также запирался на деревянный замок от хищных животных. Воздушные лабазы использовали в основном на зимне-весенне-осенних стойбищах, а наземные (учитывая, что Эвенкия расположена в

зонах многолетней мерзлоты) — на летних.

Собаки были основными спутниками эвенков, они помогали охранять от хищников стойбища и оленье стадо, были незаменимыми помощниками на охоте — их берегли. На всех видах стойбищ сооружали будки, которые обычно рассчитывались на 2–4 собаки. В них животным можно было спрятаться от дождя и ветра, а в холодные зимы собаки прижимались в будке друг к другу и грелись. Конструкция собачей будки формировалась за счет двух жердей длиной 70–80 см, вкопанных в землю наклонно друг к другу. Для прочности крепления одна из этих жердей могла иметь роговидную форму вверху. К сочленению этих жердей также наклонно перпендикулярно укладывалась жердь длиной 1,8–2 м: одной стороной на сочленение жердей в районе рогатины, другой стороной в землю. По последней жерди укладывали листы лиственничной коры. При необходимости на конек также укладывали согнутый лист лиственничной коры. Кору прижимали внешними кольями, вбитыми в землю.

Еще одним сооружением осенне-весенних и летних стойбищ является приспособление для сушки и вяления излишков мяса. Рыбу эвенки не сушили и не вялили, а употребляли в сыром виде без соли. Сооружение представляло конусообразно скрепленные в верхней части на высоте 2,5–3 м четыре жерди, на высоте 0,8–1 м также скрепленные поперечными жердями, на которые укладывалась редко сплетенная ивовая решетка. На решетке вялилось или копчилось мясо. Для копчения мяса на земле под решеткой разводился дымокур.

На всех видах стойбищ при выходе на *лутик* (охотничья тропа) устанавливались вырезанные из дерева идолы — *хэвэки*. Высота их варьировалась в пределах роста человека, иногда немного больше. На осенних стойбищах сооружали специальные ловушки для пушных зверей — *ланг*. Это приспособление для ловли всех видов пушных зверей, начинающая от горноста и заканчивая волком и росомахой. Из бревен сооружалось П-образное корыто. Ширина корыта — в два толстых бревна. Эти бревна свободно двигающейся крышкой соединялись между собой, один их конец укладывался на дно корыта, а другой поднимался и закреплялся на сторожок (специальное приспособление, срабатывающее на мгновенное опускание крышки). Под верхние бревна крышки укладывалась мясная приманка, а к сторожку привязывалась длинная веревка в чум, где сидел охотник. Зверь залазил под тяжелую крышку за приманкой, охотник дергал сторожок, и крышка падала, придавливая добычу. На медведя такой капкан не использовался.

На летних стойбищах для частичного избавления от гнуса использовали дымокуры. Это конусообразное сооружение из жердей от 1 до 2 м, внутри которого разводился ды-

мокур из мокрого мха и гнилых деревьев. Частота укладки жердей предполагалась такой, чтобы олень не мог просунуть свой нос внутрь конуса, спасаясь от гнуса, иначе он обожжет свой нос.

Эвенки использовали в летнее и осеннее время для передвижения по рекам как берестяные, так и долбленые лодки. Берестяная лодка делалась за один день, а вот долбленку делали намного дольше. Поэтому для хранения лодок-долбленок в период перекочевок на осенних стойбищах сооружали навесы из жердей с покрытием лиственничной корой. В нижней части такого навеса хранилась лодка, а в верхней части могли храниться при перекочевке различные вещи и даже нарты. Инфраструктурной особенностью летних стойбищ были кузницы, приспособления для сушки сетей, приспособления для снятия жира со шкур убитых животных (лося, оленя). Приспособление для сушки сетей состояло из двух жердевых треног с закрепленной на их макушках на высоте 1,8 м горизонтальной жердью, на которой сеть сушилась и ремонтировалась. Приспособление для снятия жира со шкур убитых животных было еще проще. Выбирались два дерева, растущие рядом на расстоянии примерно 1,5 м. В деревья вбивались по две деревянные спицы на высоте 1 и 1,8 м, на которых закреплялись горизонтальные жерди: одна неподвижная — вверху — и две (одна неподвижная, а вторая свободно придавливающая) — внизу. Шкуру животного вешали на верхнюю жердь, она упиралась на нижнюю жердь и второй нижней жердью придавливалась. Очистку жира со шкур вели скребками. Конструкция кузницы состояла из костра, ручного горна и чурки с наковальней. В качестве наковальни часто использовалась бабка, которую русские крестьяне применяли для отбивки косы. Иногда над кострищем сооружали на сваях или спиленных деревьях навес от дождя.

Отдельный интерес вызывает архитектурные особенности инфраструктуры эвенкинского шаманского чума — стойбища [Павлов, 1996, с. 35]. Такой чум располагался или в составе летнего стойбища, или на небольшом удалении от него. Чум был с лиственничным покрытием, небольшой, рассчитанный на одного человека. Стойбище-чум огораживалось забором — поскотинной. Площадь огораживаемой территории была в ширину не более 20 м. Напротив входа в чум различными способами — на шестах, помостах — устанавливались аморфовидные деревянные изображения птиц и рыб.

Также отдельно от стойбища располагались одиночные, реже групповые захоронения эвенков: воздушные на деревьях, наземные в виде срубов или *гобца* из жердей или досок, иногда с закрепленным на вершине крестом [Тихонов, 1998, с. 62].

Выводы. В результате системных ис-

следований, в том числе автора статьи, в рамках историко-культурного зонирования территории Предбайкалья и выделения этномаркирующих составляющих в материальных носителях культуры этнической группы предбайкальских эвенков, включая архитектурные особенности строений сезонных стойбищ, появилась возможность сохранения основных элементов материального культурного наследия этой этнической группы Предбайкалья в музейном варианте в экспозициях эвенкийской экспозиционной зоны Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). В музее сформированы экспозиции осеннего и летнего стойбищ, а также комплекса воздушных и наземных захоронений. В свою очередь, другими авторами в Архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Ангарская деревня» сформировано летнее и зимнее стойбище, комплекс захоронений и шаманистский чум, а в этнографическом музее народов Забайкалья «Верхняя Березовка» сформировали экспозицию «Шаманский чум». Несмотря на типичность архитектурных строений инфраструктуры эвенкийских стойбищ Предбайкалья для коренных жителей севера России, в особенности охотников-оленоводов, в каждом эвенкийском стойбище Предбайкалья встречаются свои особенности, связанные как с местностью, так и с традициями культуры и этноса на конкретной территории.

Материал передан в редакцию 13 апреля 2020 г.

Список литературы

1. Гуров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начала XX века (Принципы освоения угодий). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 176 с.
2. Павлов А.А. Экспозиция эвенкийского сектора музея «Ангарская деревня» // Тальцы. — 1996. — № 1 (3). — С. 33–38.
3. Тихонов В.В. Историко-культурное наследие Предбайкалья и перспектива его сохранения методом этнографических музейных комплексов под открытым небом. — Иркутск: Репроцентр А1, 2013а. — 364 с.
4. Тихонов В.В. Отличительные моменты материального наследия для этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурный потенциал Предбайкалья второй половины XIX — начала XX века // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. — 2013б. — № 23. — С. 93–100.
5. Тихонов В.В. К вопросу о строительстве эвенкийского стойбища в музее «Тальцы» // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2002. — Вып. 1. — С. 173.
6. Тихонов В.В. Эвенкийское стойбище музея «Тальцы» // Тальцы. — 1998. — №

2(4). — С. 59–62.

7. Тихонов В.В. Музеи — один из вариантов сохранения материальной и духовной культуры малочисленных народностей // Словоцкие чтения — 1995: тезисы докладов и сообщений. — Тюмень: Тюменский областной краеведческий музей, 1996. — С. 50–52.

References

1. Gurov M.G. Hozjajstvo jevenkov taеzhnoj zony Srednej Sibiri v konce XIX — nachala XX veka (Principy osvoeniya ugodij) [The Evenki economy of the taiga zone of Central Siberia at the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries (Principles of land development)]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1990. 176 p.
2. Pavlov A.A. Jekspozicija jevenkijskogo sektora muzeja «Angarskaja derevnya» [Exposition of the Evenki sector of the Angarsk Village Museum]. Tal'cy. 1996. No 1(3). Pp. 33–38.
3. Tihonov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Predbajkal'ja i perspektiva ego sohraneniya metodom jetnograficheskikh muzejnyh kompleksov pod otkryтым небом [The historical and cultural heritage of the Pre-Baikal region and the prospect of its preservation using the open-air ethnographic museum complexes]. Irkutsk: Izd-vo OOO «Reprocentr A1», 2013a, 364 p.
4. Tihonov V.V. Otlichitel'nye momenty material'nogo nasledija dlja jevenkijskikh i jetnicheskikh grupp, sformirovavshih istoriko-kul'turnyj potencial Predbajkal'ja vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka [Specific features of material heritage for ethnic groups and ethnic groups that formed the historical and cultural potential of the Pre-Baikal region of the second half of the 19th — the early 20th centuries]. Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2013b. No 23. Pp. 93–100.
5. Tihonov V.V. K voprosu o stroitel'stve jevenkijskogo stojbishha v muzee «Tal'cy» [To the question of the construction of the Evenki camp at the Taltsy Museum]. Izvestija Arhitekturno-jetnograficheskogo muzeja «Tal'cy». 2002. Iss. 1. P. 173.
6. Tihonov V.V. Jevenkijskoe stojbishhe muzeja «Tal'cy» [Evenki camp site of Taltsy Museum]. Tal'cy. 1998. No 2(4). Pp. 59–62.
7. Tihonov V.V. Muzei — odin iz variantov sohraneniya material'noj i duhovnoj kul'tury malochislennykh narodnostej [Museums as one of the options for preserving the material and spiritual culture of small ethnic groups]. In: Slovtsovskie chteniya — 1995: tezisy dokladov i soobshchenii. — Tyumen': Tyumenskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 1996. Pp. 50–52.

Список источников

1. Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района // Сибирская живая старина. Вып. 8–9. — Иркутск: Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1929. — С. 5–66.